

Александр Грин

Подземное

Александр Грин

Подземное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270362

Аннотация

«– Ну, что вы на это скажете?

Шесть пар глаз переглянулись и шесть грудей затаили вздох. Первое время все молчали. Казалось – невидимая тень близкой опасности вошла в тесную комнату с наглухо закрытыми ставнями и вперила свои неподвижные глаза в членов комитета. Ганс, продолжая рисовать карандашиком на столе, спросил, не подымая головы:

– Когда получено письмо, Валентин Осипович?..»

Содержание

I	4
II	10
III	15
IV	25
V	29

Александр Степанович Грин Подземное

I

– Ну, что вы на это скажете?

Шесть пар глаз переглянулись и шесть грудей затаили вздох. Первое время все молчали. Казалось – невидимая тень близкой опасности вошла в тесную комнату с наглухо закрытыми ставнями и вперила свои неподвижные глаза в членов комитета. Ганс, продолжая рисовать карандашиком на столе, спросил, не подымая головы:

– Когда получено письмо, Валентин Осипович?

– Сегодня утром. Было оно задержано в пути или нет – я не знаю... Факт тот, что оно пришло к нам на двое суток позже его...

– Вот так фунт изюма! – произнес Давид и рассмеялся своей детской улыбкой, обнажившей ровные, острые зубы.

– Товарищ, прочитайте еще раз! – сказал Ганс. – Свежо предание, а...

Он поднял свои светлые, серые глаза и опустил их, продолжая рисовать кораблики.

Пожилой сутуловатый господин с проседью в бороде и усталыми, нервными глазами, окинул всех продолжительным, озабоченным взглядом и, взяв листик бумаги, лежавший перед ним, начал читать ровным, грудным голосом:

«К вам едет провокатор. Должен прибыть 28-го. Приметы: молодой, черные усы, карие глаза, выдает себя за студента; левый глаз немного косит. Примите его, как следует.

Районный комитет, 23-е июля».

– Оттуда письмо идет два дня, – продолжал Валентин Осипович, кончив чтение. – Одно из двух: или его задержали, или бросили слишком поздно. Я, как заведующий конспиративной частью, – улыбнулся он, – поступил, быть может, слишком конспиративно, уничтожив конверт, так что подтвердить второе предположение теперь невозможно. Но оно всего вероятнее, ибо полиция не отправляет адресатам такие документы, раз они попадутся ей в руки...

– Левый глаз косит, – сказал про себя Валерьян, юноша могучего телосложения, с целой копной черных волос, из-под которой сверкали маленькие глаза-буравчики. – Да... дождались!..

Опять наступило молчание. Дверь из соседней комнаты раскрылась, и на пороге появилась девушка. Она стояла, держась одной рукой за косяк двери, другой – за свою собственную косу, перекинутую через плечо. Лицо ее было уверенно и красиво.

– Ну?! – сказала она.

Но все молчали. Валерьян тряс гривой, гневно побряхтывая; Давид вертел большими пальцами рук, поджав нижнюю губу. Ганс рисовал и ломал карандаш.

– Ну? – повторила девушка, и глаза ее рассердились.

– Мы придем пить чай после, Нина, – сказал Ганс, рисуя шхуну с распущенными парусами. – Нам очень жарко...

Никто не улыбнулся на шутку. Девушка исчезла, нетерпеливо хлопнув дверью.

– Теперь будем думать! – сказал Давид. – Что ж? Надо решать как-нибудь... Грязное дело получается...

– К порядку, господа! Валентин Осипович, возьмите на себя председательство!.. – раздраженно крикнул Сергей, пятый член комитета, высокий, с впалой, чахоточной грудью.

– Прекрасно!

Валентин Осипович выпрямился на стуле и провел рукой по волосам, еще густым и волнистым.

– Итак, – сказал он, – пусть Ганс расскажет нам про него...

– Я расскажу то, что уже рассказывал...

Сказав это, Ганс бросил наконец рисовать и поднял свою круглую, стриженую голову с твердыми, крупными чертами лица. Холодные, серые глаза его были серьезны, а рот улыбался.

– Третьего дня... я сплю. Приходят и говорят: «Вас спрашивают»... Ну... встал... Входит молодой человек, черноусый, карие глаза... левый глаз заметно косит. Сказал явку,

честь честью... «Приехал, – говорит, – работать, а по специальности – агитатор и дискуSSIONЕР...» Я ему сказал сперва, что денег в комитете мало, но так как люди у нас нужны, а денег все равно добудем же когда-нибудь, то он и решил остаться... Вот.

Сказав это, Ганс взял карандаш и приделал флаг к мачте, а на флаге написал: «П.С.Р.»¹

– Откуда он приехал? – отрывисто буркнул Валерьян.

– Из Самары. Знает тамошнюю публику. Физиономия внушает доверие... Обращение – ровное, голос уверенный, спокойный... Говорит, что бывший студент...

– Да, нет сомнения – это он... – задумчиво произнес Валентин Осипович.

– Ну, товарищи, ваше мнение?

– Я, Валентин Осипыч, – покраснел Давид, – думаю, что... это может выйти ошибка... По всему видно, что он – бывалый парень... Вчера, например, он, еще не отдохнув, как расщипал эсдеков² у Симона на заводе! В лоск прямо положил!.. А это значит, что он не младенец...

– А кто давно работает... – тот не может быть провокатором? Милейший юноша, – улыбнулся Валентин Осипович, – вы еще плохо знаете людей... Я за свою жизнь знавал таких, что работали годами в партии, а потом делались шпионами... Эволюция эта проклятая, знаете ли, незаметно проис-

¹ П.С.Р. – партия социалистов-революционеров, сокращенно эсеров.

² Эсдеки (сокращ.) – социал-демократы, члены РСДРП.

ходит... Устанет человек, озлобится, – вот вам и готово субъективное отношение... А тут один шаг к дальнейшему... А этот – Костя, кажется, его зовут – еще молод, а на мягком воске молодости сплошь и рядом можно написать что угодно...

У Ганса опять сломался карандаш, и он с ожесточением принялся чинить его, стругая так, что куски дерева летели во все стороны. Опять наступило молчание, и каждый думал о том, что сказал старый, опытный революционер.

– Ну, вот что, товарищи, – продолжал Валентин Осипович. – Я хотя и старше вас, и прислан с директивами от ЦК, и знаю весь объем опасности, грозящей делу революции в крае, но всецело предоставляю решение этого дела вам, во-первых, – потому, что оно просто и ясно, а во-вторых, – потому, что у меня много более важных дел... А вы уж сами справьтесь.

– Да, – промолвил Ганс, – придется того...

Он не договорил, но каждый понял его жест и мысль...

– Это надо сделать скорее, – невозмутимо продолжал Ганс, отделивая корму большого океанского парохода. – Вы меня простите, товарищи, но чем скорее переговорить об этом неприятном деле, тем лучше... Кто же возьмет на себя руководство этим... предприятием? – спросил он, оглядывая всех. Рот его улыбался.

– Ганс прав, – сказал Валентин Осипович. – Сделав так, мы избавим не одних себя, а все организации от риска про-

вала.

– Ну, кто же? – спросил Ганс еще раз и, откинувшись на спинку стула, склонил голову набок, любуясь рисунком. Затем, подождав немного, добавил два-три штриха и сказал:

– Я возьму. Завтра пойду к Еремею. Доверяете, или... может быть – кто-нибудь другой хочет?

– Нет уж, спасибо, – сморщился Давид, расширив свои голубые глаза. – Валяйте вы.

– А вы не хотите, Валерьян? – улыбнулся Ганс.

– Ах, оставьте, пожалуйста! – болезненно крикнул Сергей. – Нельзя из этого делать шуток!..

– Ну, хорошо! Провокатора съем! – совсем уже рассмеялся Ганс. Валентин Осипович тоже улыбнулся.

Снова вошла Нина, и все поднялись, не дожидаясь ее недовольного «ну!». Зазвенели чайные ложки, и Валентин Осипович стал рассказывать о жизни в Якутске и сибирских чалдонах. Рассказывал он очень интересно, с увлечением, и все смеялись, а у Ганса улыбался рот.

II

На улице было темно и тихо. Ганс провожал Валентина Осиповича домой. Они шли медленно; молодой человек сердито стучал тросточкой о деревянные тумбы, спутник его курил папиросу. Вечер был теплый и нежный, и в душу ползла легкая дремота очарования, мешая разговаривать и вызывая в голове неясные, сладкие воспоминания, полные неопределенной тоски о будущем. Юноша совсем размяк и молчал. Валентин Осипович изредка делал кое-какие замечания, касающиеся завтрашней сходки у Синего Брода, где еще раз должны были померяться силами две партии. Он негодовал и сердился.

– Совершенно я не понимаю и не признаю этих дебатов... Смешные эти петушинные бои... Честное слово...

– Нельзя, Валентин Осипович, – возразил наконец Ганс. – У нас всего восемь кружков, а у социал-демократов 30. И что всего замечательнее: у нас масса литературы крестьянской, рабочей – и все же как-то дело подвигается туговато... А они жарят без литературы, и у них кружки растут, как грибы.

– Ничего удивительного... В рабочих говорит классовый инстинкт... Зато мы монополизировали крестьянство...

– И потом – у эсдеков здесь есть типография, а у нас все еще процветает кустарничество...

– Ну, это, знаете, не важно, по-моему... Можно и на гек-

тографе³ сделать хорошо...

– Можно, да здешние уврие⁴ – весьма балованный народ: подавай им непременно печатные, а гектограф, мимеограф и т. п. они и знать не хотят...

– Очень скверно. Со временем можно будет наладить и типографию... А теперь надо устроить с провокатором. Вы как думаете?

– О! Я сам не хочу здесь мараться... Просто передам в дружину, а там пусть как хотят... Ну, окажу, конечно, косвенное содействие.

– Смотрите, будьте осторожнее. Вы – ценный человек для революции.

– Помилуйте! Вы меня конфузите!

– Ну, будет скромничать... Нет, я говорю не комплимент. В вас есть незаменимое качество: энтузиазм... А это не так часто встречается... Наша интеллигенция – больше от головы революционеры, а не от сердца.

Оба замолчали и через минуту остановились у подъезда большой каменной гостиницы, где жил Валентин Осипович. Ганс пожал ему руку и быстро пошел обратно. Дойдя до угла, он крикнул извозчика и велел ему ехать в нижнюю часть города к реке.

Извозчик ехал скоро, и от быстрой езды по пустынным,

³ Гектограф, мимеограф – копировальные аппараты, при помощи которых размножали рукописный или машинописный текст.

⁴ Уврие (франц. ouvrier) – рабочий.

затихшим улицам, и от сознания романтичности положения Ганс испытывал необыкновенно сильный прилив энергии и возбуждения, когда мысли горят ровно и сильно и все кажется возможным и достижимым. Это случалось с ним каждый раз, когда приходилось рисковать в чем-нибудь или обдумывать детали сложного предприятия. И, чем ближе подъезжал он к цели своего путешествия, тем яснее становилось для него все, задуманное им. Улыбаясь своей обычно неопределенной улыбкой, Ганс слез с извозчика у ворот небольшого деревянного домика и подошел к окну, освещенному и раскрытому настежь. Белая занавеска колыхалась в нем; Ганс отдернул ее и тихо сказал:

– Здравствуйте, Костя.

К окну придвинулся черный силуэт хозяина квартиры. Костя читал и очень обрадовался приходу Ганса.

– А, Ганс! – сказал он весело. – Ну, входите!..

– Скажите сперва – сколько времени?

Костя вынул карманные часы и посмотрел на них, слегка косясь левым глазом.

– Одиннадцать. А вы торопитесь куда? – спросил он.

– Поторапливаюсь, товарищ. Ну, что – нашли квартиру?

– Нашел, кажется, годится... Впрочем, можно будет переменить... Она помещается на одной лестнице с редакцией «Голоса», так что вроде публичного места. Приходит и уходит народ, а куда, в какую квартиру – кто знает?

– Правильно! – согласился Ганс.

Он облокотился на подоконник и положил голову на руки.

– Да идите вы в комнату, странный субъект! – вскричал Костя. – На улице шляется масса шпионов...

– Нет, спасибо! – вздохнул Ганс. – А вот что: у вас револьвер есть?

– Есть, браунинг.

– У меня тоже есть и тоже браунинг.

– Поздравляю вас!

– Премного благодарствую... Соскучился я, пришел к вам посидеть... Был сегодня у Нины, да она меня гонять стала; боится, что квартиру замараю... А сейчас от Валентина Осипыча... Симпатичный человек.

– Да-а!.. Будем ли мы с вами такими в его годы? – задумчиво произнес Костя, и его левый глаз как-то жалобно устремился в сторону, в то время, как правый серьезно и грустно смотрел на темную фигуру Ганса. – Каторга, ссылка, десяток тюрем – и все как с гуся вода... По-прежнему молод, верит, борется...

Рот Ганса перестал улыбаться, и он спросил вдруг, устремив глаза на потолок:

– Костя! Вам снились сегодня дурные сны?

– Никаких! – рассмеялся он. – Да что это вы сегодня – какой-то лунатик? Уж не собрались ли вы?..

– А мне снились, – упрямо перебил Ганс.

– Ну что же из этого? Я, ей-богу, вас не понимаю! – Костя пожал плечами. – Идите-ка вы лучше спать. А то нервы

расстраиваете...

– Вот что, Костя! – сказал Ганс. – Сейчас я иду решать дело, от удачного исхода которого зависит все существование нашего комитета... Я говорю серьезно, – добавил он, заметив недоверчивую улыбку в глазах товарища.

Лицо Кости сразу стало серьезным, и глаз перестал косить. Он заправил один ус в рот и сказал:

– Та-ак-с...

– И мне нужна... или, может быть, понадобится ваша помощь... Пойдемте со мной? Это будет не долго, а? У вас есть револьвер к тому же...

– Хорошо-о... – протянул Костя в некотором раздумьи. – А... какое дело?

– Уверяю вас – я не могу вам сказать сейчас; во-первых, потому, что мало времени, во-вторых, потому, что у меня уже все решено в голове, и вы можете понадобиться только в крайнюю минуту, на случай опасности...

Костя заторопился, надевая верхнюю блузу, шляпу и закладывая обойму в револьвер. Ганс вынул свой браунинг и пересчитал патроны, держа руки в глубине окна.

III

Река медленно и сонно плескалась у берегов, невидимая в темноте. На пароходных пристанях тускло горели красные фонари, дрожащим, призрачным светом выделяя из мрака полуразвалившиеся штабели дров, «бунты»⁵ товара, окутанные брезентами, и лодки всевозможных размеров, уткнувшиеся в песок свои носы. В отдалении звонкой, щелкающей трелью заливалась трещотка ночного сторожа.

Ганс и Костя спустились к воде у конторки «Кавказа и Меркурия».⁶ Тут лежали толстые бревна, очевидно, когда-то употреблявшиеся для настилки сходней. Влево высилась черная масса пристани и по борту ее ходил человек с фонарем, осматривая что-то. Дремлющий ветер донес с середины реки пьяные звуки гармоники и подгулявших голосов.

Они остановились у бревен, и Ганс сказал:

– Костя, вы пройдите, пожалуйста, и спрячьтесь где-нибудь за дровами... Если вы услышите, что я крикну: «сюда!» – спешите скорее. Если же нет – не показывайтесь... Жаль только, что вы не услышите нашего разговора...

– Один вопрос, товарищ: это дело не касается лично вас?

⁵ Бунт – здесь: груда товара.

⁶ «Кавказ и Меркурий» – название русского пароходного общества конца XIX – начала XX века.

– Меня? – усмехнулся Ганс. – Да нет же... Оно касается всех... и вас в том числе.

Костя еще постоял немного в раздумьи. Ему было слегка неприятно, что он играет пассивную и подчиненную роль, и самолюбие его, эта ахиллесова пята революционеров, было сильно уколото. Но он не подал вида, отчасти потому, что был еще новым лицом в городе и, следовательно, – пока зависимым; отчасти же потому, что Ганс сильно заинтриговал его, и ему хотелось узнать суть дела хотя бы путем участия в нем. Кроме того, Костя был не трус, а опасность притягивает. В силу всех этих соображений он еще раз соображающе выпятил губы и скрылся в горах березовых дров и колесных ободьев.

Ганс сел на бревно и перестал улыбаться. Фигура его, прилично одетая в черное пальто и такой же картуз, почти совершенно сливалась с погруженным в темноту берегом. Вытянув ноги в лакированных штиблетах, он вдруг вспомнил что-то, опустил руку в карман и, вынув белый носовой платок, обернул им ладонь левой руки. Еще одно соображение мелькнуло в нем. Он встал и подошел к сколоченной из старого теса будке старика лодочника, приютившейся возле громадных сходней пристани, и крикнул:

– Эй, дедка!

Разбуженный «дедка», седой, сутуловатый, но еще крепкий и жилистый старик, вылез из будки и устремил на юношу свои красные, подслеповатые глазки. «Дедку» – в его вечном

ватном картузе до ушей и огромных валенках знала вся городская молодежь, и он ее, так как сходки и вечеринки часто устраивались где-нибудь на островах, а у старого лодочника была превосходная, быстрая и легкая «посуда».

– Лодочку, барин? – закричал «дедка».

– Четверку... ту – востроносую... Дорого не бери, смотри...

– Цена известная... Лодки-то, почитай, все разобрали... Ай, нет, есть никак... Денежки пожалуйте.

Ганс заплатил деньги, взял весла и спустился к воде. Быстро отперев цепь и вскочив в лодку, закачавшуюся под ногами, он вставил весла в уключины и в два взмаха очутился у бревна, на котором сидел. Выскочив на берег, он вытащил лодку до половины на песок и снова уселся на бревне.

Ветер, поднявшийся было с востока, стих, и воздух застыл в легкой прохладе речной сырости. Сверху, из темных сбившихся облаков, блеснул тусклый, месячный свет. С горы, усеянной темными кучами деревьев, доносились звуки голосов, сонное тявканье собак, бряканье калиток; светились красные четырехугольники окон.

Сердце билось у Ганса сильнее обыкновенного. Он перевернул браунинг, лежавший в кармане, рукояткой вверх и стал ждать, посматривая в сторону спуска.

Ждать пришлось недолго. Прошло пять-шесть минут, и на дороге, пролежавшей вдоль берега, показалось черное пятно человека, идущего медленным, легким шагом. Человек по-

дошел к сходне пристани, остановился, помахивая тросточкой, и начал осторожно спускаться к воде. Ганс не видел лица идущего, но чувствовал пытливый и подозрительный взгляд, направленный в сторону бревна. Он положил руку, обернутую платком, на левое колено и тихонько крикнул.

Незнакомец спустился к самой воде и стал шагах в двух от революционера, смотря прямо перед собой в темную даль реки. Теперь Ганс мог его разглядеть. Это был невысокий, худощавый молодой человек, с скуластым, крепким лицом и бородкой клинышком, одетый в серое пальто и черную фетровую шляпу. Тросточка его описывала за спиной беспокойные зигзаги. Наконец он скосил глаза в сторону Ганса, осклабился, увидя белый платок, и, выжидательно смотря на юношу, сказал:

– Теплынь-то, а? Благодать!.. Барсов.

Ганс начинал испытывать раздражение. Он выпрямился и сказал:

– Ну, садитесь, раз пришли! Мне, знаете, некогда!

Незнакомец вдруг оживился и просиял. Быстро засуетившись, он прислонил тросточку к бревну и, запахнув полы пальто, уселся рядом с Гансом, заговорив радостным, тихим голосом:

– Вот как хорошо, что вы пришли-с! Ей-богу! А мы-то уж думали, думали! Мы-то гадали, гадали! Уж прямо-таки решились, что вы, не дай бог, захворали или что!.. Ей-богу! Гос-

подин ротмистр⁷ даже расположения духа лишились, право! Сердитые... ходят взад и вперед и все говорят: – «Уж эти мне петербургские! Осторожности на целковый, а дела на грош!» Да-с... Вы уж извините, что я так говорю...

– Да говорите, что же мне ротмистр! – прервал его Ганс. – Только почему это вы так беспокоились? Ведь мы условились именно сегодня?

– Так-то так, да все же-с... Думали: господин Высоцкий сами заглянут, улучат минутку... А вы вот, видите ли, – осторожны. Что же? По совести, и я бы так делал-с... В нашем деле нельзя иначе, нельзя-с... Опасное дело по нынешним временам!..

– Да, неприятное, – вздохнул Ганс. – Можно живота лишиться...

– И-и! Сколько хотите!.. Я вот, знаете ли, на днях: иду за одним эсэриком... да вы его знать должны, как же-с: еврейчик, часовщик, Трейгер фамилия...

– Как же, знаю! Ну, этот не опасен – мальчишка... Другие есть, настоящие...

– Конечно, – поспешил согласиться незнакомец. – Ах, простите, – привстал он, – позвольте представиться: Николай Иванович Хвостов-с. Я недавно служу, а все же, конечно, приятно познакомиться. Да-с. Так вот, слежу я, изволите видеть... А он, жидюга, завернул за угол да оттуда обратно

⁷ Ротмистр (устар.) – чин в кавалерии, равный пехотному капитану. Здесь жандармский чин.

и высказывает... А я разлетелся, да и сшибись с ним... Как он замахнется на меня набалдашником!.. Я уж тут отбежал... И грозит еще, представьте. «Не попадайся!» – кричит.

– Скоро мы им отшибем спеси, – сказал Ганс.

– Да-а... Больно ведь уж силу взяли, куда тебе! Так и плодятся, как саранча... Одних этих партий проклятых не пересчитаешь... да-с. Мы тогда же, как вашу телеграмму получили – подумали: ну, возьмутся умные люди, закрутят овечке хвост!..

– Да, я потому и послал телеграмму, что так было удобнее, – сказал наудачу Ганс.

Но Николай Иванович, очевидно, обрадовался возможности поговорить. Он подсел еще ближе и, оглядываясь, таинственно зашептал:

– Да-с: мы как ее расшифровали, господин Высоцкий, – так и подумали: тут дело не с бухты-баракты делается... Сообщает человек свой адрес, фамилию и когда увидеться. Сразу, с налету, так сказать, орлом! Налетел, расклевал, – ищи! Дело чисто сделано! Ха-ха!..

Ганс облегченно вздохнул, и рот его улыбнулся. Теперь все становилось ясно.

– Нельзя иначе, Николай Иванович, – сказал он. – Я сам – человек общительный, люблю общество умных людей... поговорить там, в картишки... А все же, знаете, нужно себя сохранить... Что же? Приехал я аккуратно, с паролем, виды видал, думаю – живо выведу всех на чистую воду, прихлопну

и – дальше... Надо себя сохранить...

– Это верно-с, верно! Что говорить! – подхватил Николай Иванович. – А то начнешь ходить в жандармское, полицию или так куда... не дай бог – заметит кто из социалистов!.. А тут уж разговор короткий...

– Знаете, – перешел Ганс в деловой тон, – я, пожалуй, сегодня же вам все передам. Делать здесь больше нечего... Останется разве какая мелюзга – на развод! – усмехнулся он.

– Да-а? – обрадовался Хвостов. – Вот молодец вы, право!.. В две недели!.. И уезжаете?

– Конечно... А скоро все это сделано потому, что я сразу вошел в комитет... Ну, – и актер я хороший...

– Да-с, да-с!.. По лицу даже заметно... Гениально, можно сказать! А я вам тут пакетец припас от полковника... Сведеньица тут и потом, знаете, кое-что насчет Екатеринослава...⁸ Может, там будете, так дела можете сделать...

У Ганса сделался нестерпимый зуд в ногах от этих слов. Всеми силами сдерживая охватившее его волнение, он немного помолчал и сказал небрежно:

– Ну, что ж... Давайте! Всякое лыко в строку...

Николай Иванович расстегнул пиджак и вытащил тяжелый, толстый пакет. Принимая его, Ганс испытывал ощущение стопудовой тяжести в руке, пока пакет не очутился в его кармане. Ему вдруг сделалось ужасно радостно и весело на душе. С веселым лицом он повернулся к Хвостову и, опустив

⁸ Екатеринослав – прежнее (до 1926 г.) название Днепропетровска.

руку в карман, где лежал револьвер, сказал изменившимся голосом, в упор глядя на сыщика:

– А что бы вы сказали, Николай Иванович, если бы вдруг узнали, что я... не Высоцкий, а... социалист-революционер?

– Что бы я сказал? – улыбнулся Хвостов. – Сказал бы, что вы – гениальнейший артист! Гамлет-с, можно сказать!.. Талант! Хи-хи!

Ганс рассердился.

– А что бы вы сказали, – грозно произнес он, быстро вставая и приставляя браунинг к фетровой шляпе Хвостова, – что бы вы сказали, – повторил он, и его резкое лицо вспыхнуло, – если бы я сообщил вам, что здесь восемь пуль и одной из них довольно, чтобы пробить ваш грязный мозжок? А?

Николай Иванович сидел, сложив руки на коленях, недоумевающе улыбался и вдруг побелел в темноте, как снег. Глаза его в ужасе, казалось, хотели выскочить из орбит. Он протянул руки перед собой, как бы отстраняя Ганса, и пролепетал:

– Хо-хо-роший револь-вер... У вас... ка-казенный?

– Не валяйте дурака! – начал Ганс. – Если вы...

– Ка... раул!.. – взвизгнул Хвостов, но вместо крика из его горла вырвался какой-то сип. Ганс быстро ударил его дулом в лоб. Сыщик пошатнулся и умолк.

– Если вы, – зашипел Ганс, – скажете хоть еще одно слово – застрелю... Сюда! – громко сказал он в сторону дров.

Дрова со стуком посыпались, и Костя бледный, держа за

спиной револьвер, подбежал к воде.

– Товарищ! – взволнованно сказал Ганс, – вот этот человек – шпион... Я хочу, – произнес он, быстро переводя дыхание, – сплавить его на тот берег.

– Господа! Миленькие!.. – пискливо шепнул Хвостов. – Ей-богу!.. Если я!.. Простите! Будьте такие добрые! Ради Христа! Христос не велел...

– Садитесь в лодку! – приказал Ганс, не отводя дула от сыщика. – Скорее! Я вам не сделаю ничего, увезу вас только на тот берег, чтобы вы не подняли гвалт... Костя, голубчик, общитесь с ним скорее...

Молодой человек торопливо выворотил карманы Николая Ивановича. Записная книжка и несколько фотографических карточек исчезли в брюках Ганса.

Хвостов стоял, дрожа всем телом. Он сразу как-то весь окис и опустился, молчал и только изредка всхлипывал. Ганс связал ему руки назад туго свернутым носовым платком и, втолкнув в лодку, схватил весла.

– Ганс! – сказал Костя, и в голосе его слышалась просьба. – Вы...

– Ничего я ему не сделаю, товарищ, – сурово ответил Ганс. – Пусть полежит с денек в лесу...

«Дедка» проснулся, вышел из шалаша и, вздыхая, посмотрел на небо. Кой-где блестели звезды, и бледные клочки начинающего светлеть неба тонули в тучах. Он зевнул и обернулся к темным фигурам, возившимся у воды. Уключины

брякнули, и лодка, столкнутая Костей, заколыхалась на воде.

– Поехали, молодцы? – спросил «дедка». – Дай бог веселого пиროванья... Али вы рыбу ловить?

– Рыбу ловить, дедка! – крикнул Ганс, и Костя вздрогнул, не узнав его голоса в этом звонком, оборвавшемся выкрике. Вода зашумела под веслами, и лодка отделилась от берега, уходя в темноту. Минуты две еще было слышно, как брякали уключины в такт мерным, тяжелым всплескам. Затем все стихло.

Серый туман окутал реку, и с нее потянуло пронизывающей сыростью. Вода светлела у берегов, и стальные гладкие полосы отмелей серебрились, пронизанные черными отражениями судов, стоящих на якоре. Разноцветные точки фонарей дрожали в воде.

И вдруг в глубокой тишине уходящей ночи гулко и отчетливо прокатился выстрел, подхваченный эхом... Вверху на горе глухо залаяли разбуженные собаки... И снова все стихло. Река сонно шептала у берегов, как будто рассказывая тысячелетние были. Костя вздрогнул и опустил голову...

IV

Ганс причалил, молча снял весла и отнес их в сторожку. Затем встряхнулся, потянулся так, что затрещали суставы, и, не дожидаясь вопросов «дедки» о причинах скорого возвращения, схватил Костю под руку и быстро зашагал в гору. Выбравшись наверх, они остановились и перевели дух.

Костя поглядел на товарища. Лицо Ганса как-то посерело и осунулось, а серые, холодные глаза ушли внутрь. Он тяжело дышал. Так они стояли с минуту, глядя друг другу в глаза.

– Костя! – сказал наконец Ганс упавшим грудным голосом. – Вы знаете, кто такой... Валентин Осипович Высоцкий?

– Что за штуки, Ганс, – поморщился Костя. – Говорите прямо... если есть что.

– Петербургский провокатор! – выпалил Ганс. – Это тот самый, что провалил в прошлом году ростовских социал-демократов!..

Костя остолбенел, и крик изумления вырвался у него:

– Провока-тор! Ганс!! Не может быть!..

– А вы слушайте!.. – продолжал Ганс тихо. – И пойдемте...

Тут стоять нельзя. Знаете – если бы мне три дня тому назад кто-нибудь сказал то, что я вам сейчас – я без дальних околичностей закатил бы ему пощечину... А теперь... «Всякое

бывает» – сказал Бен-Акиба...⁹ Все вышло случайно... То есть поистине все вышло чудесно... Дело было так: два дня тому назад прихожу я к Высоцкому... У меня было дело, надо было посылать человека за границу... Пришел, а его дома нет... Ждал, ждал... Вдруг стучит кто-то... «Войдите»... Посыльный. – «Здесь живет такой-то?» – Здесь, мол... – «Письмецо вам»... – Хорошо, – говорю... Ушел, письмо я сунул в карман, Высоцкого не дождался, про письмо забыл, прихожу домой, – тут мне почтальон приносит два письма... Но так как мне тут же надо было спешить на организационное собрание, то я их в тот же карман сунул, сел на конку и помчался... Дорогой вынимаю одно, читаю...

Ганс остановился и вытер вспотевший лоб. Товарищи шли быстрым, полным шагом... Бледный рассвет застыл над городом недвижной, мертвой улыбкой. Было тихо и пусто.

– И тут, – продолжал Ганс, – меня как будто целой крышей по голове хватили... Там было написано вот что... оно у меня огненными буквами в мозгу засело: – «Многоуважаемый г. Высоцкий! Настоящим имею честь уведомить вас, что, согласно просьбе вашей, выраженной в телеграмме, назначить свидание для переговоров о деле не раньше двух недель со дня приезда вашего – полагаю возможным назначить такое в субботу, 29-го сего месяца. Место и час прихода вашего будьте любезны заблаговременно сообщить письмом в

⁹ Бен-Акиба (Акиба Бен Иосиф, I век н. э.) – еврейский ученый и политический деятель.

Управление, с указанием какого-либо отличительного знака, по коему наш агент мог бы вас узнать. По приходе он скажет вам следующее: „Барсов“. Примите уверение в совершенном почтении, Барсов». . . И вот, пока я читал, я еще думал, что эти карбонарские¹⁰ приемы относятся к какому-нибудь нашему делу, мало ли что может быть. . . А подпись жандармского ротмистра меня прямо к земле пригвоздила. . . Да еще в связи с канцелярским изложением. . . Я ночь не спал, все думал – как быть? Потом решил взять все на свой риск и написал Барсову письмо, что все, мол, прекрасно и в двенадцать часов ночи я приду туда, где мы сейчас с вами были. . . Я хотел таким образом попытаться узнать кое-что. . . И действительно. . . А сегодня, то есть вчера вечером, – поправился Ганс, – у нас было очередное заседание. . . Высоцкий приходит и читает письмо, якобы от районного комитета; смысл письма таков, что к нам приехал провокатор и что провокатор этот – вы!..

Костя застонал и схватился за голову.

– Вот! И понимаете, – что всего ужаснее – вас здесь никто не знает!.. Приехали вы с местной явкой, а Высоцкий – с партийным паролем. . . А? Каково? И вчера, знаете, уж порешили вас того – убрать. . .

Костя вдруг опустил на ближайшую тумбу и закрыл ли-

¹⁰ Карбонарские – от карбонарии (итал. carbonaio) – угольщики. Тайное политическое общество в Италии, в начале XIX века боровшееся против владычества французов, за воссоединение Италии.

цо руками. Нервное потрясение было слишком велико... Он весь содрогался от сдерживаемых рыданий и скрипел зубами...

– Костя, да что с вами? Будьте хладнокровнее! Идемте скорее! До утра нужно еще созвать всех и обсудить, как быть дальше! Время дорого... Слышите?..

Ганс тряс товарища за плечо изо всей силы. Наконец тот встал и рассмеялся хриплым, нервным смехом, вытирая глаза.

– Видите, какая скотина! – заботливо-негодующим тоном произнес Ганс. – Он ведь переписку вел. Пари держу, что получил письмо относительно себя и хотел след запутать, а сам еще где-нибудь напакостить... Вы вот что: идите к Нине и Сергею, а я побегу к остальным... Сергею надо щекотать пятки, иначе он не встанет...

– Хорошо...

– Ну, до свиданья пока... Ой, ой, вы мне руку раздавили!

– Слушайте, Ганс!.. А... тот?

– Пришлось покончить... А соберемся, скажите – у Лизы...

В небе легли розовые краски, и стало холодно. Запели петухи.

V

– Я сам пойду! – кричал бледный Сергей, размахивая шапкой. Глаза его лихорадочно горели, и красные пятна зловеще алели на щеках. – Я, – он глухо закашлялся и схватился за грудь, – я сам... кха... кха!..

– Нет! Пусть Валерьян!.. Куда вам?! Идите спать, Сергей! – кричал Ганс. – Вы будете шуметь, разговаривать! Слышите?

– Нет! – раздражался Сергей. – Я пойду!.. Эволюция личности!.. Прохвост!..

– Сергей! Прошу вас, останьтесь!.. – решительно сказал Валерьян. – Вы мягкий человек!..

– Боже мой! Валерьян – да идите уж вы, что ли, скорее!.. Ведь не сто человек тут нужно... Вот деньги и паспорт на всякий случай... Впрочем, наверно, увидимся еще!.. Нина, где деньги?..

Девушка, плотно сжав губы, молча вынула ассигнации и подала Гансу. Тот передал их Валерьяну, который стоял, ерша обеими руками свою густую копну, и энергически тряс головой. – Ну, жарьте!..

Валерьян вышел, плотно притворив дверь и вздрагивая от утреннего холода в своей черной сатиновой блузе. Все в нем кипело и бурлило, как самовар. Юноша гневно сверкал своими черными маленькими глазками, направляясь в центр го-

рода. У подъезда гостиницы он остановился и позвонил.

Было пять часов, и солнце золотым шаром выкатилось над крышами, позолотив куполы церквей и стекла окон. Снова-ли редкие прохожие, громыхали пролетки извозчиков, выезжавших на промысел. Валерьяну отпер заспанный, обрюзгший швейцар, окинув молодого человека подозрительным взглядом. Революционер сунул ему двугривенный и стал подниматься вверх.

В длинных полутемных коридорах гостиницы все еще спало. Валерьян подошел к номеру, в котором жил Высоцкий, и приложил ухо к двери. Там слышалось ровное дыхание спящего. Где-то внизу хлопнула дверь, и кто-то стал подниматься по лестнице. Валерьян осторожно постучал три раза и снова прислушался. Дыхание прекратилось, и послышалось шарканье калош, одетых на босу ногу. Через секунду чиркнула спичка и ключ повернулся в замке. Дверь открыл Высоцкий, в одном белье, с заспанным и недовольным лицом. В зубах его торчала папироса. Увидя Валерьяна, он прищурился и сморщился.

– Что так рано? – зевнул он. – Ну, проходите...

– Дело есть, Валентин Осипович, – глухо проворчал Валерьян, входя и запирая дверь на ключ. Подумав немного, он вынул ключ из замка и сунул в карман.

– Зачем вы это делаете? – размеренно спросил Высоцкий.

– Затем, чтобы нам не помешали, – слегка дрожащим голосом ответил Валерьян. – Я пришел... ну, одним словом,

не будем долго разговаривать... Вы провокатор, и ваша песенка спета!

Что-то неопределенное сверкнуло в глазах Высоцкого. Лицо его оставалось спокойно, но пальцы рук нервно задвигались. Он отступил в глубину комнаты и произнес громким, сдавленным голосом:

– Вы – мальчишка и сумасшедший! Убирайтесь вон!..

– Молчать! – заревел Валерьян, и револьвер ходуном ходил в его руке.

– Сорвалось, ага! Скажите только хоть слово!..

Высоцкий покачнулся и упал вперед всем корпусом к ногам юноши. Тот растерялся и в то же мгновение почувствовал, что падает сам. Валентин Осипович схватил его за ноги и с силой дернул к себе. Падая, Валерьян выронил револьвер, и началась отчаянная борьба на полу. Но молодой был сильнее и проворнее старика. Он быстро подмял его под себя и уселся сверху, тяжело пыхтя. Правая рука его шарила по полу, отыскивая упавший браунинг. Наконец полированная рукоятка попала ему в руку.

– Слушайте! – сказал Валерьян. – Я сейчас убью вас!.. Но скажите, откройте мне душу предателя!..

Высоцкий лежал, запрокинув голову, и широко раскрытые глаза его вертелись во все стороны. Тонкая кровяная струйка стекала по виску, оцарапанному при падении.

– Я дам вам тысячу рублей... – с трудом, наконец, прохрипел он, так как левая рука молодого медвежонка лежала

на его тонкой, жилистой шее. – Слышите?! Пустите меня!.. Когда я был... слушайте... я вам расскажу!.. в группе старых... народовольцев...

– Эволюция личности, да? – злобно прошипел Валерьян, плохо соображая, о чем говорит Высоцкий. – Подленькая натура у вас, это будет вернее!..

– Вы, вы знаете... правду? – захрипел Высоцкий. – Кто вы – черт вас побери с вашим добром и злом? Пустите меня, паршивый идеалист!.. Вас повесят, слышите вы? Фарисей!..

Сиплый полувизг, полукрик клочками вылетал из его сдавленного горла.

– Застрелитесь сами?! – предложил вдруг Валерьян, красный, как пион.

– Сам?? – Пустите меня! – слышите? Ради матери вашей!..

Валерьян отвернул голову и выстрелил не глядя куда... Эхо зарокотало в коридоре, и тело лежащего вздрогнуло под рукой Валерьяна. Пороховой дым за клубился по комнате... Юноша выскочил и бросился бежать, сломя голову, по лестнице вниз. Она была пуста. Весь дрожа, улыбаясь бессознательной, плачущей улыбкой, Валерьян вышел на улицу и крикнул извозчика.

Через час он был на конспиративной квартире.